
Андрей ДМИТРИЕВ

* * *

Некуда выпадать из колоды —
углы занимают комоды,
набитые пеплом и старыми фото,
на полу натоптано маршевой ротой
расквартированных призраков,
в центре — попыткой кубизма
высится груда коробок
из-под обуви: норов ног —
стаптывать каждую пару
к новому паводку —
так, чтобы мокли в туфлях носки
от сезонной тоски...

Скрежещет, грохочет утро,
буксует в стремлении к абсолюту
в раскисших реалиях круговерти,
пока цепок взгляд на портрете,
висящем на красной стене,
за которой — Марк Аврелич в пенсне
репетирует вот уже век
ноктюрн для беспалых калек
на скрипке в черном футляре,
рискнув загреметь под фанфары
раньше срока опять.
Некуда выпадать...

А тут опять раздают —
тасуют, тостуют да пьют,
так что выпасть не раньше всех
уже считалось бы за успех...

* * *

Снова труп возвращать из абстрактного плена,
зябкий лоб целует святая Елена.
Впрочем, море давно уже по колено —
так что справились бы без шлюпа.
Где-то там догорают костры Европы,
или все же наследные принцы потопа
втайне крестят гомункула в мутной колбе,
а не режут, крестьясь под лупой.

Андрей Дмитриев родился в 1976 году. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Публиковался в журналах «Нева», «Дружба народов», «Крещатик», «Новая Юность», «Proŏdia», «День и ночь», «Бельские просторы», «Нижний Новгород», «Гвидеон» и других. Автор сборников стихов «Рай для бездомных собак», «Орнитология воды», «Африкас-нег» и «Глубина тиснения», участник коллективного сборника «Настоящие» из серии «Нижегородское собрание сочинений». Живет в Нижнем Новгороде.

Грубый свет перетянут стальной бечевкой.
Взгляд горгульи гранитный и обреченный
из осевшей золы ловит сытый барчонок,
для отчетности делая селфи.

А Макару с гусями грузить картофель,
на монете чеканя властительный профиль,
что отдаст разночинец за быстрый кофе,
спрятав домыслы в гулком сейфе.

Скоро вновь поменяют нам чипы и коды,
чтоб на вырост, а значит, на долгие годы.
Это гиблое дело в анналах пехоты
обретет свою формулу яда.
Проводивши глазами процессию мимов,
пассажиры уснут в проносящихся мимо
поездах, узнаваемы плохо без грима
в очевидцах десятого ряда...

* * *

Водитель троллейбуса —
лейб-гусарского
полка возничий,
но полк нынче
расквартирован
в серых коробках
на пыльной окраине,
где пахнет гарью
и старением нации —
здесь выделяться
красивым мундиром
как-то не по ранжиру,
поэтому — свитер
с преобладанием синего
дает обогреться
гвардейскому рваному сердцу...

Ежедневно на одной
и той же
промежуточной остановке
садится божья коровка —
бабушка-одуванчик:
смотрит загадочно,
как перетекают
складки квартала
в движении против шерсти
с тусклым отблеском жести.

Профиль — строг,
и анфас — итог
долгих воззрений:

божья коровка севера
со статью графини,
каких пускают в местный эфир
в роли закладки из книг
вроде пушкинской «Дамы пик».

* * *

Уходили поэты,
жаль, что знались едва —
унесенные ветром
непустые слова.
Обветшала ветровка,
прохудился блокнот:
джаза вязь, приступ рока,
электронный эскорт.

Вновь магнитные бури
тянут гвозди вовнутрь.
Все, что в нас вбито сдуру —
впрочем, тоже лишь дурь,
а живая рассада
без нее прорастет —
хоть в предбаннике ада,
хоть у райских ворот.

Здесь — на паперти Волги
и в ладони Оки —
вечер кажется долгим,
пусть и дни коротки.
За рекламной малиной
ждет терновая явь,
где пришедшим с повинной
обещают конклав,
только узы бутылки
в поминальном желе
коротнутся на стыке
галок и журавлей...

* * *

В осажженной гранитной Пальмире,
пронзенной серебряной нитью,
эти главы о мире
важнее сейчас, может быть, им,
чем страницы о славной войне,
оставляющей жуть на постой,
впрочем, мог бы вполне
так и задумать Толстой.

Затмевает чугунное небо
раздутый мамонт-аэростат, и
увязает в глиняном хлебе
коготь неясности,
а они все лелеют тепло
последних объятий,
пока за бесцветным стеклом
шлет прожектор проклятья
пролетающим гарпиям.
Сыплется горестный пепел
на картон фотографии,
где кадр семейным стал склепом.

Лед сойдет, вспыхнет сквозь кожу
сердце лебеда или чайки,
с рождения вхожих
в вешнюю воду, необычайно
ломкую, как ближний круг
тех, кто надолго
переместился на юг,
чтобы вернуться облаком...

* * *

В небе бэтмен чернобровый
подковал нетопыря —
будут в целях обороны
патрулировать поля,
над которыми восходит
ночью свет падучих звезд,
и открыт сезон охоты
на того, кто здесь замерз —
ямщиков и проходимцев.
Маской скрытое лицо
станет при луне светиться
у границ пустых лесов.

Взмоют кожаные крылья,
бросив тень куда-то вниз.
Одному без эскадрилий
тяжело сражаться вдрызг
с тем, что столь неотвратимо
среди воздуха и тьмы,
только длит ретроспектива
миф, проверенный детьми.
Черный всадник, черный призрак,
тормозни нетопыря —
видишь, дальше — чисто-чисто,
это минные поля...